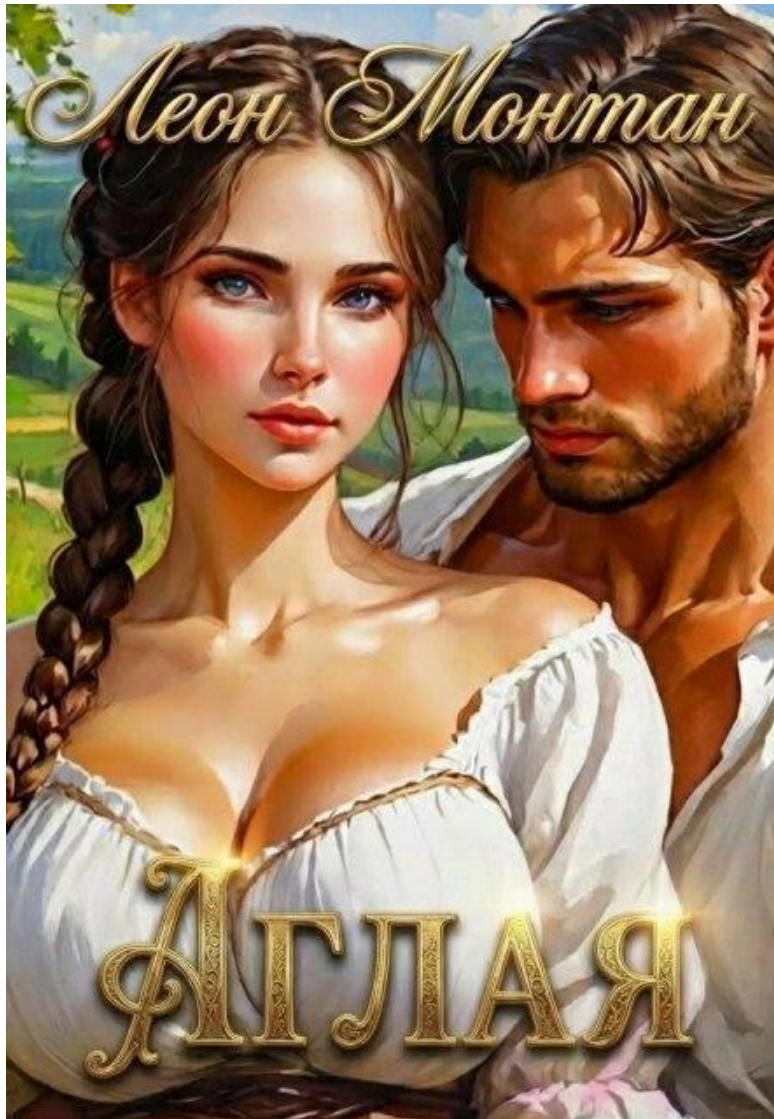

Леон Монтан

АГЛАЯ

Леон Монтан

Аглая

<https://litres.ru/74583883>

Аннотация

В знойном мареве лета, в окружении шёпота полей и стародавних деревенских устоев, юная Аглая познаёт не только тяжесть труда на земле, но и пробуждение новой, доселе неведомой силы внутри. Первый взгляд, затянувшийся дольше приличий, первое прикосновение, от которого застывает дыхание — становятся для неё началом пути. Это история о том, как потаённый огонь желания прорывается сквозь оболочку невинности, заставляя девушку осмелиться на запретное и навсегда изменить свою судьбу.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ СТРАНИЦУ

Содержание

Глава 1. Пробуждение.	4
Глава 2. Обнажённая страсть.	12
Глава 3. Жар.	18
Глава 4. Чистое	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1. Пробуждение.

Под палящим солнцем степного лета, где ветер играл в высоких травах, а воздух пах разогретой землей и чабрецом, жила Аглая. Восемнадцать лет чистой, нетронутой жизни, проведенной среди полей, реки и нехитрых деревенских забот. Её руки знали тяжесть ведер с водой, её ноги — пыль проселочных дорог, а её взгляд — бескрайние горизонты, за которыми ничего не таилось, кроме привычного, понятного мира. Тело Аглаи было крепким, выточенным работой и ветром, но внутри скрывалась наивная душа ребёнка. До этого лета.

Перемены начались незаметно, как легкий ветерок перед грозой. Сначала это были смутные, невыразимые ощущения, когда её взгляд задерживался на крепких руках отца, ловко управляющегося с молотком, или на могучих спинах мужиков, сгружающих сено. Легкий, почти неощутимый жар разливался по низу живота, сменяясь дрожью, которую она списывала на усталость. Но усталость ли это была, когда по ночам, лежа на своей жесткой кровати, она вдруг ощущала, как что-то внутри пробуждается, пульсирует, зовёт?

Однажды вечером, когда солнце опускалось за горизонт, раскрашивая небо в огненно-алые и пурпурные тона, Аглая возвращалась с речки. Воздух был напоен запахом цветущих трав и влажной земли. Проходя мимо густых кустов, она

вдруг слышала приглушенные стоны. Любопытство, ранее чуждое её простой натуре, толкнуло её вперед. Разведя ветви, она увидела. Иван, пастух, могучий и загорелый, прижимал к земле молодую вдову Ольгу, её юбка была задрана, а движения их тел сливались в едином, древнем ритме.

Картина эта ударила Аглаю сильнее, чем самая тяжелая работа. Она видела обнажённую плоть, слышала хриплые вздохи, ощущала исходящий от них животный, влажный жар. Иван, впившийся в Ольгу, казался зверем, женщина изогнувшаяся под ним, была будто околдована. Внутри Аглаи всё перевернулось. Смущение, стыд — эти чувства были мгновенно поглощены чем-то гораздо более мощным, первобытным. Жар, ранее лишь легкий, теперь охватил её всю. Её грудь тяжело вздымалась, а пальцы невольно сжались, впиваясь в ладони. Она убежала, не разбирая дороги, но образ, звук, запах — все это въелось в её сознание, как заноза.

Ночью сон не приходил. Каждый шорох за окном, каждый ветерок, проникающий сквозь щели, казался прикосновением. Она ворочалась, ощущая, как её тело наливается неведомой силой. Ноги казались тяжелыми, бёдра горели, а между ними разливалось жгучее, влажное желание. Аглая никогда не прикасалась к себе там, снизу, считая это постыдным. Но теперь её рука сама потянулась, словно ведомая невидимой силой.

От первого невинного прикосновения по всему телу про-

бежала дрожь. Она испугалась, но желание было сильнее. Робко, неумело, она начала исследовать себя. Аглая зажмурилась, отчаянно кусая губы, чтобы не издать ни звука. От каждого движения, от каждого нежного поглаживания её тело отзывалось неимоверной сладостью, которая нарастала, оплетая её сознание, затуманивая разум. Жар поднимался из глубины живота, заполняя каждую клеточку.

Её бёдра невольно задвигались, словно она искала чего-то, чего-то большего, чего-то, что видел её взгляд у реки. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Дыхание стало прерывистым, короткими, хриплыми всхлипами. Она забыла обо всем: о деревне, о стыде, о страхе. Было только это нестерпимое, прекрасное ощущение, нарастающее с каждой секундой.

Внезапно весь мир словно взорвался. Волна невероятного блаженства прокатилась по её телу, заставляя её изогнуться дугой. Громкий, сдавленный стон вырвался из её горла. Она дрожала, словно осиновый лист на ветру, её тело сжималось и расслаблялось в спазмах невиданного наслаждения. Жар, что охватил её, достиг своего пика, а затем медленно начал отступать, оставляя после себя сладкую истому.

Аглая лежала, тяжело дыша, с широко распахнутыми глазами. Ночь была тихой, но в её душе мир уже никогда не будет прежним. Она впервые познала себя, впервые ощутила эту могучую, древнюю силу, таившуюся внутри. Степь за окном казалась теперь не просто полем, а живым, дышащим су-

ществом, полным тайн и желаний, отражающим её собственное, пробудившееся естество.

Всё утро следующего дня она помогала матери на огороде. В полуденный перерыв, каждая клеточка её молодой плоти уже молила о покое. Солнце стояло в зените, раскаляя добела иссохшую землю. Лето выдалось таким, что даже старики не помнили подобного зноя. Аглая чувствовала, как этот жар проникает под кожу, растворяя привычную вялость и наполняя тело неведомой, сладкой тяжестью. Она сидела у колодца, опуская в прохладную глубину ведро, и струйки пота стекали по её спине, огибая упругие холмики лопаток, прежде чем исчезнуть под кромкой простой льняной рубахи.

Придя домой и поднявшись в свою маленькую комнатку на втором этаже, Аглая сбросила одежду. В доме было душно, но почему-то не это было причиной её беспокойства. Нечто иное, более глубокое, пульсировало где-то внизу живота, отзываясь томлением в груди и странной, зудящей потребностью между бёдер.

Она прилегла на жесткую кровать, раскинув руки. Лучи солнца пробивались сквозь щели в ставнях, танцуя на её атласной коже. Аглая провела ладонью по своему животу, медленно спускаясь ниже. Никогда прежде она не задумывалась о том, что там, может таиться нечто большее, чем просто от-

верстие для нужды.

Жар снаружи и жар внутри смешались. Любопытство пересилило смущение. Ей казалось, что внизу всё набухло, стало полнее, тяжелее, источая тонкий, едва уловимый аромат. Рука невольно скользнула вниз. Аглая ахнула. Лёгкий трепет прошёл по всему телу.

Это было... неожиданно. Приятно.

Она не знала, что делает, но инстинкт вел её руку глубже. Неведомый ток пронзил её от лона до самых кончиков пальцев ног. Аглая застонала, звук был низким, горловым, совершенно чужим для нее самой. Едва заметное касание вызывало волну мурашек, бегущих по всему телу, заставляя мышцы живота непроизвольно напрягаться. Девушка закрыла глаза, сосредоточившись на этом новом, головокружительном ощущении. Её дыхание стало частым и прерывистым.

Аглая почувствовала, как её тело само начинает извиваться, подчиняясь невидимой силе. Мышцы бёдер напряглись, спина выгнулась дугой, грудь тяжело вздымалась.

В голове звенело, перед глазами поплыли красные круги. Чувство, похожее на натянутую струну, росло, росло, грозя разорваться. Она шептала какие-то бессмысленные слова, зарывшись лицом в подушку, не желая, чтобы кто-то услышал её стоны.

И тут... струна лопнула. Волны жара разлились по всему телу, сотрясая его мелкой дрожью. Судорога свела мышцы, выгнув Аглаю в последний, долгий извив. Глубокий, исторг-

нутый стон вырвался из её груди, смешанный со всхлипом облегчения и потрясения.

Всепоглощающее наслаждение захватило её. Это было как падение в бездонный колодец из шелка и мёда, где не было ни дна, ни краев, только чистая, концентрированная нега. Она лежала, дрожа, пока последние отголоски дрожи не утихли, оставляя её в состоянии полного, сладостного изнеможения.

Когда Аглая открыла глаза, мир вокруг неё не изменился, но она сама стала другой. Чувство стыда, если оно и было, исчезло, сменившись удивительной ясностью и глубоким удовлетворением. Она познала себя. И чувствовала, что это лишь начало. Жаркий август принес ей не только урожай в полях, но и пробудил урожай в её собственном, ещё таком невинном теле. И это было лишь первое зернышко.

Вечер стал самым долгим и знойным в её жизни. После ошеломительного открытия своего тела, Аглая долго не могла уснуть. Её кожа горела, каждая клеточка отзывалась тонким, зудящим эхом пережитого. Ночь принесла не прохладу, а лишь усиление внутренней лихорадки.

Едва веки сомкнулись, как мир вокруг расцвел невыносимыми красками. Не сны, а видения окутали её. Сначала она стояла босиком в поле спелой ржи, колосья ласково щекотали её обнажённые бёдра. Солнце, невидимое, но осязаемое, пронзало кожу жаром, таким же, как тот, что она чувствовала.

ла в себе. Вдруг колосья начали преобразаться, их шелест стал похож на шёпот, а прикосновения – на нежные ласки тысяч тонких, знающих пальцев. Они пробирались все выше, к животу, к груди, вызывая легкую дрожь и нарастающее томление.

Затем рожь расступилась, открывая путь к реке. Вода в ней была не обычной – она переливалась всеми оттенками янтаря и мёда, маняще искрясь под невидимой луной. Аглая вошла в неё, и прохлада обхватила её тело, но тут же сменилась обжигающим теплом. Она видела себя со стороны, её тело было гибким, сильным, а кожа светилась изнутри. Поток воды стал живым, он ласкал её между бедер, проникал в неё с нежностью и настойчивостью, которой она никогда не знала.

И вот, наступил самый откровенный, самый захватывающий сон. Аглая лежала на мягком мху, где-то в глубине леса, освещенного лишь мерцающим светом. Её тело было абсолютно обнажено, и ни капли стыда не жгло её щеки. Над ней склонялось нечто неопределенное, сотканное из тени и желания, не лицо, не фигура, но чистая, концентрированная мужская сила. Оно дышало жаром, и этот жар проникал в каждую пору её кожи.

Аглая проснулась, тяжело дыша. Её тело было влажным от пота, а между бёдер ощущалась густая, липкая влага. Постель была сбита, а её простыня оказалась примятой и влажной от её движений во сне. В комнате было темно, но в воз-

духе витал густой, сладкий запах её собственного тела.

Она провела рукой по бедру, чувствуя остаточную тяжесть и пульсацию в своём лоне. Стыда не было. Только потрясение и глубокое, жгучее желание, которое теперь уже не было просто любопытством. Оно было реально, ощутимо и требовало своего продолжения. Сны открыли ей целую вселенную, и теперь она знала, чего жаждет её молодая плоть.

Глава 2. Обнажённая страсть.

Утро принесло недолгое облегчение от ночного зноя, но для Аглаи оно оказалось лишь продолжением той же обжигающей лихорадки. Проснувшись, она обнаружила, что её тело всё ещё пульсирует отголосками снов. Губы были припухшими, кожа — чувствительной к малейшему прикосновению простыни. Между бёдер ощущалась вязкая, сладкая влага, а внизу живота тянуло тугой, ноющей болью, что требовала немедленного разрешения. Это было не просто желание, это была физиологическая потребность, жгучий императив, диктуемый пробудившейся плотью.

Она встала, пошатываясь. В голове мелькнула мысль о прохладе озера, его тёмной, манящей глубине. Сбросить с себя не только одежду, но и этот нарастающий внутренний жар, эту новую, пугающую и завораживающую тяжесть. Решение созрело моментально, инстинктивно. Никому ничего не сказав, Аглая быстро надела легкое ситцевое платье и выскользнула из дома, прежде чем солнце успело окончательно раскалить землю.

Тропинка к озеру вилась через высокую рожь, которая в утренние часы была ещё влажной от росы. Она шла быстро, почти бегом, чувствуя, как свежий воздух немного успокаивает горящую кожу, но не снимает напряжения внутри. Вскоре колосья расступились, и перед ней открылась гладь лес-

ного озера – темная, спокойная, окруженная густым кустарником и старыми ивами, склонившимися к воде. Идеальное место. Укромное.

Она огляделась. Ни души. Только стрекотание цикад и легкий шелест листвы. Сердце Аглаи бешено колотилось, но уже не от волнения, а от предвкушения. Скинув сандалии, она распустила свои тяжелые русые косы, позволяя волосам водопадом упасть на плечи. Затем, неспешно, она начала раздеваться. Каждая пуговица на платье казалась непомерно тугой, каждый шов — лишним.

Шелковистая ткань платья соскользнула с её плеч, обнажая молодую, ещё не совсем сформировавшуюся, но уже удивительно чувственную грудь. Аглая почувствовала, как свежий ветерок ласкает её соски, заставляя их немедленно твердеть. Дрожь пробежала по телу. Затем она стянула тонкие нижние рубашки, обнажая живот и бёдра. Последним отправились в траву панталоны.

Теперь она стояла совершенно нагая на берегу, залитая мягким утренним солнцем. Её кожа была молочной, ровной, лишь кое-где проступал легкий румянец. Высокие груди покачивались при каждом вздохе, а волосы на лоне, темные и густые, казались еще более влажными, чем накануне. Чувство глубокого, всепоглощающего освобождения охватило её. Стыда не было, только дикая, первобытная радость быть такой, какой её сотворила природа.

Она сделала шаг к воде. Прохлада коснулась пальцев ног,

затем щиколоток, поднимаясь всё выше. Аглая медленно погружалась в озеро, позволяя воде обнимать своё тело. Сначала прохлада, затем нежное покалывание, которое быстро переросло в знакомое, жгучее тепло, исходящее из её центра. Она почувствовала, как мышцы расслабляются, но внутренний огонь лишь разгорается с новой силой. Вода мягко ласкала её между бёдер.

Аглая откинула голову назад, закрыв глаза. Солнце слепило сквозь веки, а её тело плавало на поверхности, отдаваясь во власть ощущений. Она позволила себе расслабиться, двинуться с потоком, чувствуя, как вода массирует её самые чувствительные места. И тут, едва уловимо, она почувствовала... взгляд.

Это было не физическое прикосновение, а скорее изменение в воздухе, смещение энергии. Лёгкое покалывание по коже спины, инстинктивное осознание, что она не одна. Глаза. Пара невидимых, но осязаемых глаз, которые скользили по её обнаженной плоти, изучали каждый изгиб, каждую капельку воды, стекающую с её груди. Сердце ёкнуло, но не от страха, а от странной смеси смущения и необъяснимого возбуждения.

Она не открыла глаз, не повернула головы. Это было слишком рискованно, слишком реально. Вместо этого, Аглая ещё глубже погрузилась в воду, позволяя себе почувствовать этот взгляд. Он был как дополнительный слой кожи, невидимая ласка, которая усиливала остроту всех её ощу-

ний. Осознание того, что её видят, что её обнажённое тело является объектом чьего-то пристального внимания, заставило её сжаться. Она вдруг почувствовала себя невероятно желанной, мощной и одновременно беззащитной.

Она начала двигаться в воде, медленно, чувственно, словно танцуя для невидимого зрителя. Её бёдра покачивались, груди едва колыхались на поверхности, а руки оглаживали мокрую кожу, спускаясь к животу, затем ниже, едва касаясь влажных волос. Каждый жест был сознательным, каждый вздох – глубоким. Взгляд не отпускал её, и Аглая чувствовала, как этот невидимый контакт распяляет её все сильнее, доводя до нового, ещё более острого пика наслаждения в прохладной воде озера. Она была на пороге нового открытия, и этот невидимый наблюдатель невольно стал частью её интимного пробуждения.

Взгляд не отпускал её, ощутимый, как паутинка на коже, но при этом жгучий, словно солнечный луч. Аглая не открывала глаз, но знала, чувствовала, что каждая её клеточка, каждый изгиб её тела сейчас предстает перед кем-то невидимым, но реальным. Эта мысль, вместо того чтобы вызвать стыд или страх, лишь распяляла её еще сильнее. Дикая, первобытная энергия пробуждалась в ней, требовала выхода.

Волны жара, знакомые по снам, теперь были реальностью. Они поднимались из самого центра её лона, разливаясь по бедрам, животу, груди. Соски затвердели так, что казалось, они готовы разорвать кожу. Дыхание Аглаи участилось, пре-

вращаясь в прерывистые, тихие стоны, которые тут же поглощались мягкой водой. Она покачивалась на волнах, позволяя себе отдаться этому новому, мощному чувству.

Сердце стучало в ушах, заглушая все остальные звуки. Перед глазами плясали красные и оранжевые пятна. Она была на грани. Казалось, еще мгновение – и её разорвет на части от этого дикого, сладостного напряжения. Её тело дрожало, её мышцы судорожно сокращались.

И тут оно пришло. Неистовое, всепоглощающее, дикое. Взрыв. Она закричала – негромко, скорее выдохнула этот крик в воду, которая тут же поглотила его. Мышцы живота скрутило, бёдра сжались до боли, а пальцы внизу застыли, бессильные что-либо ещё делать.

Она лежала на поверхности, безвольная, дрожащая, чувствуя, как последние отголоски наслаждения медленно растворяются в воде. По телу пробежала мелкая дрожь. Чувство было таким же сильным, как и во сне, но сейчас оно было настоящим, реальным, закрепленным в её сознании. Она открыла глаза.

Солнце продолжало сиять, птицы пели, и озеро было таким же спокойным. Но Аглая чувствовала, что все изменилось. Она была наполнена, опустошена и переполнена одновременно. Мир вокруг неё был тем же, но она видела его по-новому. Почувствовала себя по-новому.

Медленно, с трудом, она повернула голову в сторону кустов, откуда, как ей казалось, исходил взгляд. Она ничего

не увидела. Лишь густая зелень, неподвижная, словно она и не шевелилась. Но интуиция не обманывала её. Он был там. Он видел её. И это осознание, вместо стыда, принесло лишь странное, почти хищное удовлетворение. Она показала себя. Она познала себя. И теперь она знала, что этот секрет разделен.

Она медленно выбралась из воды, её кожа горела от прикосновения воздуха. Капли стекали по её телу оставляя влажные дорожки. Она не спешила одеваться, позволяя солнцу и воздуху обсушить её, чувствуя себя абсолютно свободной, абсолютно настоящей. Запах влажной травы, земли и её собственного, ставшего теперь таким знакомым аромата, смешивались в воздухе. Она прошла через рожь, оставляя за собой след мокрых стоп, не оглядываясь, но ощущая этот невидимый взгляд до тех пор, пока кусты не скрыли озеро за её спиной.

Глава 3. Жар.

Несколько дней после купания на озере Аглая жила как в тумане. Ощущение того, что её видели, не покидало её ни на минуту. Оно было везде – в легком покалывании кожи, когда она проходила мимо кустов, в случайном взгляде, брошенном на окно соседа, дяди Лёши, чья изба стояла чуть в стороне. Он был мужчиной лет сорока, крепким, молчаливым, всегда занятым по хозяйству. Аглая почти не обращала на него внимания раньше. Теперь же, когда она видела его, у нее перехватывало дыхание. Неужели это был он?

Её родители собирались на свадьбу к дальней родне в соседнюю губернию. Это означало, что на все выходные Аглая останется одна. Мысль об этом одновременно пугала и возбуждала. С одной стороны, свобода, возможность быть самой собой, не прячась. С другой – давящая пустота большого дома.

В пятницу вечером, когда последние наставления были даны, и телега с родителями скрылась за поворотом, Аглая почувствовала себя непривычно легко. Но тут же в эту легкость вплелось томление. Ночное одиночество, зной, и тайна, что теперь разделяла её с невидимым незнакомцем с озера.

Едва сумерки начали сгущаться, на пороге раздался нерешительный стук. Аглая вздрогнула, сердце ухнуло куда-то

вниз. На пороге стоял дядя Лёша. В руке он держал бутылку домашнего вина, на его лице застыло не то смущение, не то ожидание.

«Аглая? Твои, видать, уехали? Видел, как отъезжали...» – его голос был хриплым, как всегда, но сегодня в нем слышались новые, незнакомые Аглае нотки.

«Да, дядя Лёша, уехали. На свадьбу».

«Ага... Ну, я тут это... баню достроил новую. Сегодня за-топил. Обмыть думал, отца позвать хотел твоего... помочь, так сказать». Он кивнул на бутылку.

Аглая молчала. Взгляд дяди Лёши скользнул по её лицу, зацепился за влажные губы, чуть припухшие от пережитых эмоций. В его глазах она уловила что-то – глубокое, темное, понимающее. Точно такой же взгляд, как тот, что она чувствовала на себе у озера.

«Так как же быть... Отца-то нет...» – он почесал затылок, делая вид, что размышляет. «Ну что ж... А ты, Аглая, как? Хочешь, со мной сходишь? Парилочка знатная получилась, тело распарить, косточки погреть... Тебе-то, поди, тоже не помешает». В его словах прозвучал вызов, тонкий намек, который мог понять только тот, кто знал.

Сердце Аглаи бешено заколотилось. Её щеки вспыхнули. Он знал. Он видел. И теперь он предлагал ей то, что она, возможно, подсознательно ждала. Баня. Место, где снимают

одежду, где жар, пар и влага творят чудеса с телом.

«Я... я не знаю, дядя Лёша... Мать-то...» — она начала было мямлить, но её голос дрогнул, а взгляд невольно метнулся в сторону кустов, за которыми скрывалось озеро. Она вспомнила прохладную воду, жар своего тела, и тот взгляд.

Дядя Лёша тихо рассмеялся, звук был низким и глубоким, словно грохот далекого грома. «Мать не узнает. Я ж не каждый день такую баню строю. Чисто по-соседски. А ты все равно одна... Страшно, поди?» — Последнее слово прозвучало как ещё один вызов.

Аглая подняла на него глаза. В них читалось дерзкое любопытство. Ей не было страшно. Ей было... возбуждённо. Её тело горело, как и днем. И она знала, что этот жар можно снять только одним способом. И дядя Лёша, этот молчаливый сосед, каким-то образом был частью этого способа.

«Я... я согласна, дядя Лёша», — её голос был едва слышен, но звучал решительно.

Его губы тронула легкая, почти незаметная улыбка. «Вот и ладушки. Через полчасика. Заходи, как будешь готова». Он развернулся и медленно пошел к себе, не оглядываясь.

Аглая закрыла дверь, прислонившись к ней спиной. Она чувствовала, как весь дом пульсирует вокруг нее. Её дыхание было прерывистым. Предвкушение. Теперь не сны, не одинокие ласки в озере, а реальность. И эта реальность манила её с невероятной силой, обещая нечто, что она только

начала открывать в себе. Она взглянула в зеркало, на своё раскрасневшееся лицо, на глаза, полные дикой, ещё не осознанной до конца страсти. И впервые в жизни, Аглая увидела не просто деревенскую девчонку, а женщину, стоящую на пороге новой, знойной судьбы. Она знала, что должна приготовиться.

Полчаса пролетели незаметно. Аглая стояла перед стареньким зеркалом, оглядывая себя. Её взгляд скользил по своему телу, по грудям, что казались ей сейчас тяжелее и полнее, по животу, который интуитивно подтягивался, и по лону, где вновь зародилось то самое, уже знакомое, пульсирующее чувство. Вместо повседневного белья, она надела чистую, тонкую сорочку из отбеленного льна, что едва прикрывала колени и просвечивала сквозь ткань. Распустила волосы, позволила им свободно спадать на плечи.

Когда она подошла к бане дяди Лёши, оттуда уже доносились гулкий треск дров и влажный, насыщенный запах свежего пара, дубовых веников и травяного отвара. Сердце вновь забилося дикой птицей в груди. Она толкнула тяжелую деревянную дверь.

Внутри было темно и жарко. В предбаннике стоял полумрак, сквозь щели в стене пробивались лишь редкие лучи уходящего солнца. Дядя Лёша сидел на скамье, уже без рубахи, его широкие плечи и крепкая спина блестели от пота. Он повернул голову, и его взгляд, темный и глубокий, встре-

тился с её. В нём не было ни удивления, ни порицания, лишь спокойное, знающее ожидание.

«Ну что, Аглая, проходи. Раздевайся. Вода уже горячая, как раз парилка прогрелась», – его голос был глухим, но мягким. Он отвернулся, давая ей возможность.

Аглая медленно сняла своё платье, затем осторожно сбросила сорочку. Прохладный воздух предбанника коснулся её горячей кожи, вызвав легкую дрожь. Она чувствовала себя невероятно уязвимой и одновременно мощной, стоя совершенно обнажённой под его невидимым взглядом. Но ей было не стыдно. Только нарастающее возбуждение.

Она зашла в парную. Жар обнял её со всех сторон, проликая в легкие, заставляя кожу мгновенно покрываться испариной. В воздухе висел густой, обволакивающий аромат мокрого дерева, дубовых листьев и чего-то ещё, терпкого и сладкого. Дядя Лёша уже сидел на верхней полке, вытянув ноги. Рядом с ним, на полке, лежали два запаренных веника. Он подвинулся, освобождая место.

«Садись, Аглая. Не бойся. Погрейся», – сказал он, кивнув на свободное место.

Она осторожно забралась на полку рядом с ним. Её обнажённое бедро невольно коснулось его. Кожа дяди Лёши была горячей, крепкой, влажной от пота. От этого случайного прикосновения по телу Аглаи пробежал ток. Она почувствовала, как между её ног выступила влага, а бусинка внизу запульсировала.

Дядя Лёша взял один из веников.

«Ну что, Аглая, хочешь, попарю тебя? Сниму всю хворь, весь жар?» В его голосе вновь прозвучал тот самый двойной смысл, что она уже уловила.

Аглая кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она легла на живот, упираясь ладонями в горячие доски. Её груди были придавлены, но внизу живота горел огонь. Она почувствовала, как мокрые, тяжелые листья веника опускаются на её спину, затем лёгкий шлепок, совсем не больно, но ощутимо.

Взмахи веника становились все увереннее. Он хлестал её по спине, по бёдрам, по ягодицам, разгоняя кровь, проникая в каждую клеточку. Жар становился невыносимым, но Аглая лишь глубже вдыхала пар, чувствуя, как её тело распалается изнутри. Она чувствовала, как её кожа краснеет, как по ней стекают ручейки пота.

Затем веник коснулся её, поднимаясь выше, к пояснице, а затем, словно случайно, скользнул по верхней части её бедра, опасно близко к лону. Аглая вздрогнула, издав тихий стон. Дядя Лёша ничего не сказал, лишь продолжал парить, но теперь движения веника стали более целенаправленными, более чувственными. Он проводил по изгибам её тела, задерживаясь на округлостях ягодиц, на внутренней стороне бёдер.

В какой-то момент, когда веник в очередной раз прошёлся по её ягодицам и внутренней стороне бедра, дядя Лёша слег-

ка надавил им чуть сильнее. Не сильно, лишь легкое, влажное касание, которое, однако, пронзило Аглаю до самых костей. Из её груди вырвался хриплый, прерывистый стон.

«Что, Аглая? Жарко? Иль хорошо?» – его голос был низким, полным скрытой усмешки.

«Хорошо, дядя Лёша... очень хорошо», – выдохнула она, не в силах сдержать правду. Её тело дрожало.

Дядя Лёша отложил веник. Его рука легла на её спину, провела вниз по позвоночнику, задерживаясь на пояснице. Затем она скользнула ниже, сжала её упругую плоть. Пальцы были шершавыми, сильными, но удивительно нежными. Он слегка надавил на неё, притягивая её бедро к своему.

Она знала. Она чувствовала. Это был он. Тот, кто видел её на озере. И теперь он был здесь. В бане. С ней. И Аглая не хотела, чтобы он останавливался. Она лишь сильнее выгнула спину, предлагая себя его руке, его телу, его безмолвному желанию. Жар, что охватил её, был куда сильнее банного. И она знала, что этот жар не унять водой.

Глава 4. Чистое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.